

УЧЕНИЕ О ПРАВЕ Е.Б. ПАШУКАНИСА

Современная ситуация методологического плюрализма в сфере познания правовой реальности иногда приводит к тому, что ученые-правоведы согласовывают и унифицируют свои взгляды не в части того, что есть право, а в полностью противоположном направлении – что уж точно не может претендовать на это высокое звание. А если в дело вмешивается еще и идеологическая (политическая) ангажированность, что, к сожалению, свойственно и для науки, несмотря на то, что знание не может быть ни «левым», ни «правым, ни «центристским», то становится очевидно, что иногда «дружить против кого-нибудь» куда выгоднее, чем самостоятельно генерировать новые оригинальные идеи и концепты. Полагаем, именно такая ситуация сложилась в современной юриспруденции и в отношении советской теоретической юридической науки. Распад СССР самим своим фактом позволил некоторым исследователям одним махом отказаться от всего, что было создано в сфере юриспруденции (в том числе и ими самими), и, более того, заклеить позором саму причастность к данной деятельности, обличить в косности, недалекости, отсталости, узости мышления, перейти под знамена современных концепций самого различного толка.

Особенно непросто в такой ситуации приходится молодым ученым, только делающим свои первые шаги на поприще юридической науки. Недостаточная широта мировоззрения, слабая теоретическая подготовка обуславливает шаткость и уязвимость методологических позиций авторов, а стремление или навязанная необходимость быть в тренде ведет к тому, что такому специалисту не остается ничего другого как примкнуть к наиболее влиятельному здесь и сейчас лагерю и вместе с ним «дружить против кого-нибудь», ведь традиции он не знает и не хочет знать, потому что это не актуально, в настоящем не разобрался, ибо современная картина правовой реальности очень пестра, мозаична и, чего уж греха таить, сложна для понимания, и, как следствие, не видит будущего, что является главной задачей хорошего ученого. Куда ведет такой путь?

Цель нашей работы – на примере взглядов, пожалуй, первого действительно советского правоведа Е.Б. Пашуканиса сформировать представление о той социально-политической обстановке, которая сложилась после 1917 г. и послужила истоком и «питательной средой» для дальней-

шего развития советского государства и права, а также ознакомить читателей с некоторыми понятиями и категориями марксизма, что позволит самостоятельно сформировать свое отношение, прежде всего, к эпохе, и правильно понимать причины и последствия событий, имевших место быть за более чем 70-летнюю историю существования СССР.

Судьба Е.Б. Пашуканиса трагична. Пик его научной и юридической карьеры пришелся на конец 20-х – начало 30-х гг. XX в., когда ученый возглавил Институт советского строительства и права Коммунистической академии (ныне – Институт государства и права Российской академии наук), а в 1936 г. занял пост заместителя Народного комиссара юстиции СССР. Однако уже в 1937 г. был обвинен в участии в антисоветской террористической организации и расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

Основной труд Е.Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий)» увидел свет в 1924 г. и сразу приобрел огромную известность, выдержал несколько переизданий, был переведен на ряд иностранных языков.

Для создания достоверной картины той эпохи требуется понимание настроений, царивших в умах советской интеллигенции, в том числе юристов. Старый мир был разрушен революцией, и на его обломках строится новый справедливый мир, в котором буржуазным пережиткам нет места. Вот и Е.Б. Пашуканис актуальность своей работы объясняет тем обстоятельством, что философия марксизма – нового мира – не смогла, точнее, не успела, создать собственной теории права, и это упущение, несомненно, должно быть устранено. Отсюда и цель работы – «построить марксистское руководство по общей теории права» [1, с. 3].

В то же время автор отмечает, что пролетарское право – не есть изобретение новых категорий и обобщений, а временная замкнутость общественных отношений в «узком горизонте буржуазного права», и его постепенное отмирание при переходе к коммунизму. Чтобы проиллюстрировать эту позицию автора, можно обратиться к изданию труда «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» 1924 г., где автор отмечает, что «пролетарский государственный капитализм уничтожает ...» [2, с. 95]. В издании труда 1927 г. правовед заменяет указанное выражение на «пролетарскую диктатуру», называя оригинальное «непродуманным и неверным определением советского хозяйственного уклада» [1, с. 81]. В целом же задачу марксистской теории права Е.Б. Пашуканис обозначает как проверку вывода об исчерпании буржуазной, самой совершенной формы права путем изучения его на конкретном историческом материале [1, с. 82]. По мнению

ряда исследователей творческого наследия Е.Б. Пашуканиса, именно последовательное отрицание им существования особого «пролетарского права», а сторонником такой позиции был никто иной, как А.Я. Вышинский (с марта 1935 г. по май 1939 г. Прокурор СССР), в конечном итоге сыграло ключевую роль в его трагической судьбе.

В целом же, по мнению Е.Б. Пашуканиса, общество, которое по состоянию своих производительных сил вынуждено сохранять эквивалентное отношение между затратами труда и вознаграждением в форме, хотя бы лишь отдаленно напоминающей обмен товарными стоимостями, вынуждено будет сохранить и форму права [1, с. 23]. Таким образом, право будет существовать до тех пор, пока блага в обществе будут распределяться на основании эквивалентности затраченного труда, т. е. по труду, а не по потребностям, как того требует коммунистическое общество, так как только право, реализация которого обеспечивается принудительной силой государства, способно гарантировать подобный обмен.

Почему именно буржуазного, а не, скажем, рабовладельческого? Дело в том, что, полагал ученый, правовая форма как таковая появляется только на определенном уровне развития общества, а до этого долгое время пребывает в зародышевом состоянии, не отграничивается от иных социальных регуляторов (обычай, религия). Затем, постепенно развиваясь, она достигает максимального расцвета, максимальной дифференцированности и определенности. Правовая форма в ее наиболее развернутом виде соответствует буржуазно-капиталистическим общественным отношениям [1, с. 62]. Таким образом, по мнению Е.Б. Пашуканиса, на добуржуазном этапе развития право настолько слабо развито, что фактически не существует (в дальнейшем правовед откажется от этого тезиса) и, соответственно, право является атрибутом исключительно буржуазного общества. Второй предпосылкой, обосновывающей необходимость изучения права именно в буржуазном обществе, является мысль о том, что только изучение более совершенных форм права позволяет лучше понять его бытие на более ранних, отживших стадиях развития общества.

Напомним, с точки зрения марксизма, право, государство и ряд других институтов являются надстройкой над экономическим базисом. В буржуазном обществе как наиболее развитом экономические отношения схематично складываются следующим образом: абстрактный собственник-производитель создает продукт, т. е. конкретный вид труда человека превращается в материальный объект – продукт. Продукт, подлежащий обмену на рынке, приобретает свойство стоимости (меновый стоимости) и становится товаром. В этом качестве он может быть обме-

нан на другой товар или деньги как всеобщую меру абстрактного человеческого труда, затраченного на производство продукта.

Итак, право представляет собой «мистифицированную форму некоего специфического социального отношения» [1, с. 36]. Особенность этого отношения состоит в том, что в его основе лежит противоположность частных интересов, которая, по мнению Е.Б. Пашуканиса, и является основной предпосылкой правового регулирования. По образному выражению правоведа, именно частноправовые отношения составляют «наиболее консолидированное ядро юридической туманности» [1, с. 37]. Причиной тому служит то, что именно в этих отношениях юридический субъект, «persona» находит воплощение в конкретной личности эгоистически хозяйствующего субъекта – товаровладельца, собственника, носителя частных интересов. В конечном итоге, именно отношение товаровладельцев является тем социальным отношением, отражением которого является форма права [1, с. 39]. Что касается государственного (публичного) права, то, по мнению правоведа, в нем «усилия юристов обычно жестоко посрамляются действительностью, ибо в своем деле власть никакого вмешательства не терпит и всемогущества юридической логики не признает» [1, с. 50].

Таким образом, в основе правового регулирования, по мнению Е.Б. Пашуканиса, лежит юридическое отношение, которое «есть только другая сторона отношения между продуктами труда, ставшими товарами» [1, с. 41]. В этом смысле учение о праве правоведа в некоторой степени сближается с социологическим типом правопонимания. Правоотношению принадлежит примат над нормой права. В свою очередь, последняя либо прямо выводится из уже сложившихся отношений, либо представляет собой только симптом, по которому можно судить с некоторой долей вероятности о возникновении в ближайшем будущем соответствующих отношений. Автор, последовательно критикуя юридический позитивизм, отрицая тождественность закона и права, полагает, что научное изучение правовых явлений может считаться только с фактами. «Если известные отношения действительно сложились, значит, создалось соответствующее право, если же был только издан закон или декрет, но соответствующих отношений на практике не возникло, значит, была попытка создать право, но эта попытка не удалась» [1, с. 43].

Правоотношение невозможно без участников, субъектов, так как даже норма права выделяется из общей массы регулирующих правил – нравственных, эстетических, утилитарных и т. д., именно тем, что она предполагает лицо, наделяемое правом и при этом активно притязующее [1, с. 55]. Анализ субъекта правовых отношений Е.Б. Пашуканиса начинается с того, что товар с имманентно присущим ему свойством стои-

мости не может быть обменян на другой сам по себе, а предполагает сознательный волевой акт со стороны товаровладельца. «Поэтому одновременно с тем, как продукт труда приобретает свойство товара и становится носителем стоимости, человек приобретает свойство юридического субъекта и становится носителем права» [1, с. 64–65]. По мнению ученого, именно меновая сделка дала идею юридического субъекта как абстрактного носителя всех возможных правопритязаний. Кроме того, наряду со сделкой всегда имеет место быть и спор, вытекающий из противоречия частных интересов. В качестве товаровладельцев все люди абсолютно свободны и формально равны между собой в той же степени, как и участники рыночных отношений. В конечном итоге, общество, по мнению Е.Б. Пашуканиса, «есть не что иное, как идеализированный, перенесенный в заоблачные высоты философской абстракции, освобожденный от своего грубого эмпиризма рынок, на котором встречаются независимые производители ...» [1, с. 66].

В то же время Е.Б. Пашуканис с необходимостью включает в категорию «субъект права» и моральную составляющую, но делает это весьма оригинально. Одной из предпосылок товарно-правового общества, по мнению ученого, является идея о том, что продукты человеческого труда могут относиться друг к другу как стоимости только в том случае, если люди будут относиться друг к другу как независимые и равные личности [1, с. 97]. Значит, для того, чтобы товарное общество могло успешно функционировать, личность должна рассматриваться одновременно в трех аспектах: моральный субъект – равноценная личность; субъект права – собственник; носитель интереса, притязания – эгоистический хозяйствующий субъект. Идея принципиальной ценности и равенства людей – это, по мнению Е.Б. Пашуканиса, естественно-правовой предрассудок, объективно проявляется лишь в единственном аспекте их совместного бытия – возможности людей приравнять свой общественно-полезный труд к труду вообще, закладывать его в товар и обмениваться им.

Буржуазному обществу соответствует особый тип морали – это рационалистическая этика И. Канта, его категорический императив – поступи так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом, – который «представляется для товаропроизводящего общества максимальным достижением и высшим культурным благом» [1, с. 102]. Такая этика так же, как и рынок, кладет в основу идею эквивалентности, поэтому не приемлет героизма или подвига, так как этого нельзя потребовать от другого. Однако ученый отмечает, что в действительности этический акт заключает в себе противоречие и самоотрицание, при-

водя в качестве примера деятельность крупного капиталиста, который «добросовестно» разоряет мелкого, не посягая при этом на ценность его личности. И эта двойственность буржуазной этической формы есть ее существенный признак, уничтожение которого ведет к уничтожению самой формы, на смену которой приходит общество, «мыслящее свои отношения простыми и ясными понятиями вреда и пользы» [1, с. 103].

Ничего в этом плане не меняется и относительно понимания пролетарской морали, которая, в отличие от всеобщей этики И. Канта, является классово-моральной, а значит, в ней морально должное выступает как классово-полезное. Однако в такой форме мораль все равно выступает специфическим отношением должноствования. Так, классовое содержание этики не уничтожает ее формы. В пролетарском коллективе используются средства давления для побуждения его членов к морально-должному поведению, но, с другой стороны, этот же коллектив квалифицирует поведение как моральное только тогда, когда это внешнее принуждение как мотив отсутствует. В таком случае разговоры об особой классовой морали есть лицемерие. Отмирание морали как формы буржуазного общества неизбежно произойдет одновременно с отмиранием буржуазного права и государства, и до этого времени будет использоваться для регулирования общественных отношений по принципу эквивалентности.

Говоря о справедливости, ученый логично отмечает, что сама по себе данная категория не обладает собственным содержанием, а потому не может быть использована в качестве критерия, скажем, построения идеального отношения. «Понятие справедливости почерпнуто из менового отношения и вне его ничего не выражает» [1, с. 105]. По поводу этой точки зрения с Е.Б. Пашуканисом трудно согласиться, так как еще Аристотель выделял справедливость коммутативную (уравнивающую, воздавать равным за равное), именно о ней говорит ученый, и дистрибутивную (распределяющую, воздавать неравным за неравное) [3, с. 91]. Иначе говоря, справедливость отражает не только идею эквивалентности, но и пропорциональности, чуждую для рынка. В этой части представляет интерес мысль ученого о том, что справедливость является «ступенькой, по которой этика спускается к праву» [1, с. 105]. Ведь нравственное поведение должно быть сознательным и добровольным, а справедливость может быть вынужденной. Принуждение (общественное) к нравственному поведению стремится отрицать свое существование, справедливость публично «воздается» человеку. В таком ключе Е.Б. Пашуканис рассматривает справедливость как нравственно-юридическую или этико-правовую категорию, находит точки соприкосновения и расхождения этической и правовой формы, что, на наш взгляд, является наиболее адекватным ее восприятием.

И, наконец, возникновение публичной власти и государства ученые связывают с тем, что государство, во-первых, выступает гарантом осуществления сделок и, во-вторых, в этой роли преследует уже не частные интересы, а «безличный интерес порядка» [1, с. 85]. Юридический субъект – вознесенный в небеса абстрактный товаровладелец – по своей воле отчуждает и приобретает товар, но реализация его воли требует встречного движения со стороны другого товаровладельца, что находит выражение в соглашении независимых волей – договоре. Подчинение одного участника рыночных отношений другому противоречит самой идее такой формы функционирования человеческого общества, поэтому принуждение «должно выступать как принуждение, исходящее от некоторого абстрактного общего лица как принуждение, осуществляемое не в интересах того индивида, от которого оно исходит, – ибо каждый человек в товарном обществе – это эгоистический человек, – но в интересах всех участников правового общения [1, с. 90]. Кроме того, в своей работе автор отмечает, что «чисто теоретически правовое общение может быть сконструировано как обратная сторона менового общения, то для практической его реализации требуется наличие более или менее твердо установленных общих шаблонов, разработанной казуистики и, наконец, особой организации, которая применяла бы эти шаблоны к отдельным случаям и обеспечивала бы принудительное выполнение решений. Наилучшим образом эти потребности обслуживаются государственной властью» [1, с. 106]. Таким образом, по мнению Е.Б. Пашуканиса, государство – гарант реализации прав личности, выступает при этом от лица общества, а не конкретного индивида, что позволяет сохранить в обществе действие принципа эквивалентности.

Таким образом, в своей работе «Общая теория права и марксизм» Е.Б. Пашуканис смог сделать то, что не удалось до этого ни одному ученому – построить логичную, достаточно полную и последовательную теорию права на основании марксизма. Ученому удалось убедительно доказать связь юридической формы с экономической и, основываясь на этом постулате, наполнить новым содержанием традиционные правовые категории «право», «государство», «правоотношения», «норма права» и др. Полагаем, что в теории, конечно, можно обнаружить «белые пятна», требующие своего восполнения, но для своей эпохи научная новизна этой работы не вызвала сомнений, и поэтому ее популярность была всецело оправданной. Для современных исследователей, особенно молодых ученых, теория права Е.Б. Пашуканиса, получившая в юридической литературе название «меновая», представляет интерес хотя бы потому, что предлагает альтернативу укоренившемуся в сознании шаб-

лону о том, что государство и его правовая надстройка с точки зрения марксизма-ленинизма есть «орудие насилия над эксплуатируемым классом» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Советская юридическая мысль намного богаче и ярче, чем может показаться на первый взгляд, и все еще ждет своего исследователя, способного идеологически беспристрастно оценить творческое наследие советских ученых-правоведов, а не отбросить его в сторону только на основании того, что идея построения коммунистического общества потерпела крах.

Список использованных источников

1. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм / Е.Б. Пашуканис. – Изд. 3-е. – М. : Коммунист. Акад., 1927. – 128 с. – («Секция права и государства»).
2. Пашуканис, Е.Б. Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий) / Е.Б. Пашуканис. – М. : Соц. акад., 1924. – 160 с. – («Секция права и государства»).
3. Воропаев, Д.А. Содержание и виды справедливости в «Этике» Аристотеля / Д.А. Воропаев // Проблемы правотворческой и правоприменительной практики в условиях развития информационного общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно, 2015. – Ч. 1. – С. 90–93.

УДК 343.985

В.С. Гайдельцов

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ТЕОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМАЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН (К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Исторический экскурс во времена зарождения теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД), а также характеристика процесса ее формирования и развития представляет определенные сложности в силу разноречивости научных взглядов на данную проблему. В немалой степени этому способствует также закрытость ведомств, которые наделены полномочиями на проведение ОРД, их ревностное отношение к сохранению в тайне организации и тактики ее осуществления.

Сегодня вряд ли можно найти двух ученых или педагогов, которые давали бы аналогичное определение ОРД и согласованно освещали хотя бы основные этапы ее развития. Разброс мнений поразителен. В.А. Ильичев, например, пишет «Поскольку сущностью оперативно-розыскной деятельности является проведение разведывательных мероприятий с